

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

---

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ  
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

# ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ



JOURNAL OF ANCIENT HISTORY



4(207)

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЁ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

## АХЕМЕНИДСКАЯ РУКОЯТЬ С ПРОТОМОЙ ГРИФОНА ИЗ ХРАМА ОКСА

**И**з нескольких десятков предметов ахеменидского времени, найденных в храме Окса на Тахти Сангине среди 5000 единиц храмового инвентаря, достаточно большой интерес представляет высококачественная рукоять из слоновой кости, открытая между коридорами № 3 и № 6 в дверном проеме<sup>1</sup>.

Цитадель Тахти Сангина расположена в центре города лежащего узкой (до 300) и длинной (около 3000 м) полосой на второй и третьей надпойменной террасах на правом берегу Окса — Амударьи, в самом ее верховье между горным кряжем Тешик-Таш (церья Памира) и руслом реки, в древности более полноводным. Город, так же как и крепости (Тахти Кубад 1 и 3), был стратегическим форпостом, охраняющим древнюю переправу через Окс в месте слияния Вахша и Пянджа (рис. 1).

Храм Окса расположен в центре укрепленной цитадели (рис. 2). К нему с востока от берега реки ведет поднимающийся в сторону храма пандус, проходящий через несколько ворот и привратных сооружений, включающих и парадные колонные пропилеи, вымощенные каменными плитами (рис. 3). Цитадель Тахти Сангина (или Тахти Кубада 2) обрамлена мощной (от 7 до 9 м) стеной, выложенной из сырцовых кирпичей (0,50 × 0,50 × 0,14 м) поздне-ахеменидского — раннеэллинистического стандарта, и снабжена подквадратными, монолитными башнями (более 12 м в стороне). В юечжийско-великокушанский период священный участок включается в цитадель (237 × 167 м), которая в свою очередь обрамляется каменной стеной из небрежно околотога камня (толщиной 2,2, м) и укрепляется башнями (вся эта фортификационная ситуация отчетливо видна на снимке, сделанном с вертолета) (рис. 2).

<sup>1</sup> Вслед за опубликованными ахеменидскими ножами акинака и небольшой частью из 50 найденных бронзовых стрел VI—IV вв. до н.э. (см.: Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Тахти Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 153—157) авторами начата публикация целого ряда первоклассных памятников ахеменидского искусства, перекликающихся с культовыми приношениями, составляющими Клад Окса, найденными где-то вблизи храма Окса на правом берегу реки Окса (совр. Амударья) более 100 лет назад. См.: Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84—109; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. № 3. С. 87—110; они же. Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. 1992. № 3. С. 94—111; *idem*. Panterae Antesedentes. A Corinthian Motif in Bactria // EW. A Special Number Published in Collaboration with VDI, IsMEO. 1992. V. 42. № 1. P. 69—84; *idem*. The Temple of the Oxus // JRAS. 1981. № 2. P. 133—167; *idem*. Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale // Revue archéologique. 1981. № 2. P. 195—216. Общее мнение авторов о месте находки и составе посвяtitельного инвентаря Клада Окса см.: Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. С. 45—118; Pitschikjan I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Tempel. Achämenidische Kunst in Mittelasien / Antike in der Moderne. В., 1992. Об аналогичных рукоятях и ножах махайр см.: Пичикян И.Р. Парадные ножи греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 264—272; он же. Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии // СА. 1980. № 4. С. 202—212. Рукоять с головой грифона найдена в храме Окса в 1981 г. рядом с другим шедевром ахеменидского искусства — завершением ритона в виде протомы льва (в печати) у западной стены коридора № 3 в дверном проеме, ведущем в коридор № 6 на том же полу (1 м над материком), датируемом великокушанским временем.



Рис 1. Урочище Тахти Кубад. Место слияния Вахша с Пянджем, правобережье верховья Окса — Амударьи, где был найден клад Окса и где был открыт храм Окса. Фото И.Р. Пичикяна



Рис. 2. Храм Окса после засыпки центрального зала и обводных коридоров. Вид сверху. Фото И.Р. Пичикяна

Навершие рукояти в виде шеи и головы орлиноголового грифона<sup>2</sup> имеет форму фигурного стержня, увенчанного скульптурной головой. В основании шеи

<sup>2</sup> Краткое описание: Древности Таджикистана. Каталог выставки. Л., 1985. С. 71—72; № 85; Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan. Zürich, 1989. S. 36. Taf. 7; Пичикян. Культура Бактрии... С. 102, 103. Илл. 18; Pitschikjan. Op. cit. S. 50, 51. Abb. 26, 27.

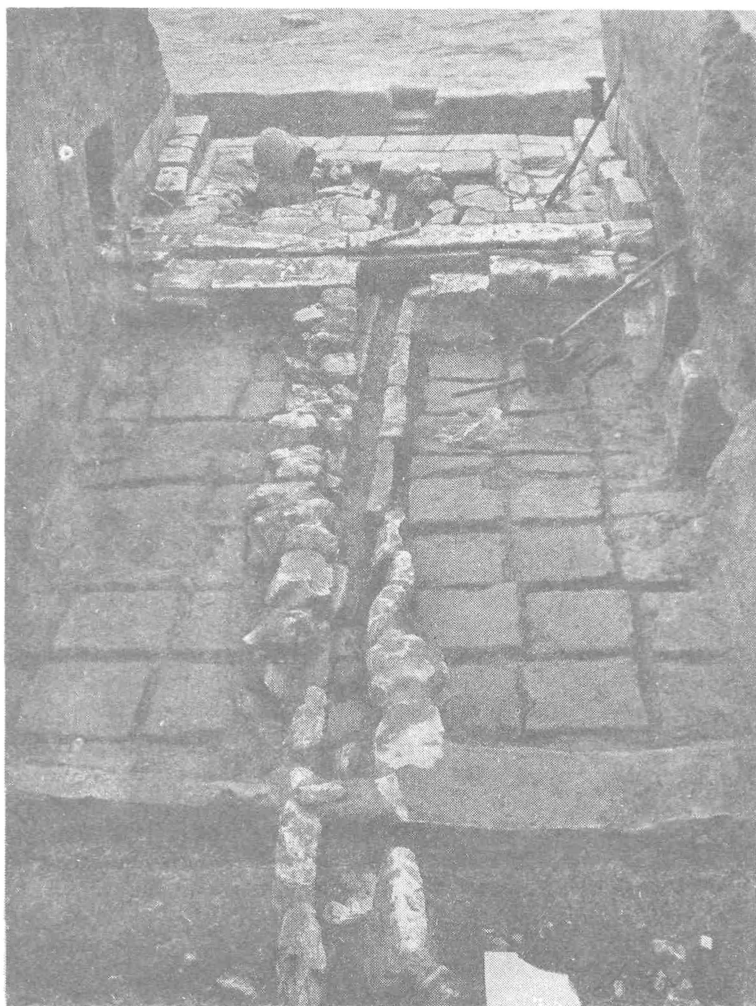


Рис. 3. Пропилеи — парадный вход в храм Окса. Фото Д.И. Ковалева

передний фас сколот. Нижний торец основания плоский с прямоугольным гнездом ( $6 \times 7$  при глубине 40 мм) (рис. 4). Над прямоугольной нижней частью (впрочем, профиль переднего фаса неизвестен) начинается овальная в сечении сужающаяся вверх вертикальная шея. Она увенчана головой хищной птицы, вероятно, орла, выполненной с замечательным мастерством. Основание клюва прямое, на нижней поверхности продольный центральный желобок, верхняя же часть изогнута дугой, причем конец клюва закрывает основание и даже опускается ниже его. Между половинками клюва — щель в виде широкого полуовала. Основание и верхняя дугообразная части клюва окружены валиком, на котором видны мелкие зубчики — зубы. Внутри клюва имеется изогнутый, поднимающийся вперед язык, небо проработано елочкой. Передняя часть головы имеет в профиль вид дуги, более круто закругляющейся внизу у клюва. Эта дугообразная часть в нижней половине оформлена в виде ребра. Глаз в виде круглого углубления, гнезда, окруженного высоким валиком; инкрустационная вставка утрачена. Верхняя часть головы уступообразно, в виде щитка, нависает над нижней. Вдоль уступа по верхней плоскости — углубленная линия. По бокам головки — рельефные рога, типа бараньих, основания которых завернуты в петлю. Основание



Рис. 4. Рукоять махайры, одна из многочисленных находок ахеменидского времени в храме Окса. Фото Э.И. Стайнерта

каждого рога окружено тремя низкорельефными полусферическими перлами. Верхняя часть головы и задняя часть шеи покрыта рельефными волнистыми прядями, ниже, на задней части шеи налегающие друг на друга листовидные завитки, очевидно передающие гриву. Вдоль стержня, начиная от основания и до задней части головы, проходит сквозное округлое отверстие диаметром 4—5 мм. Материал — слоновая кость. Размеры: высота — 107; высота головы — 35; ширина головы — 45; толщина головы (и стержня) — 19 мм<sup>3</sup> (рис. 5).

Назначение этого предмета, если говорить в общей форме, не вызывает сомнений — это рукоять. Можно с уверенностью пойти дальше и утверждать, что это навершие изогнутого меча греческого типа — махайры. Первые примеры сопряжения изображения птицы и ножа (кинжала) известны в очень древние времена. Уже в бронзовом веке в разных местностях Европы, в том числе в минойской культуре, а также в Египте, были ножи с рукояткой, увенчанной головкой птицы, причем она явно имела магический смысл<sup>4</sup>.

<sup>3</sup> Все предметы, открытые на Тахти Сангине, хранятся в Душанбе, в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикистана, зарегистрированы в инвентарной книге «Тахти Сангин». Инв. номер издаваемой рукояти: 2092/1091.

<sup>4</sup> Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. Bd IV/2. München, 1980. S. 693; Bd IV/3. 1980. Taf. 90/25; 252/17; 263/E-1; 275/E-2; 414/E-3.

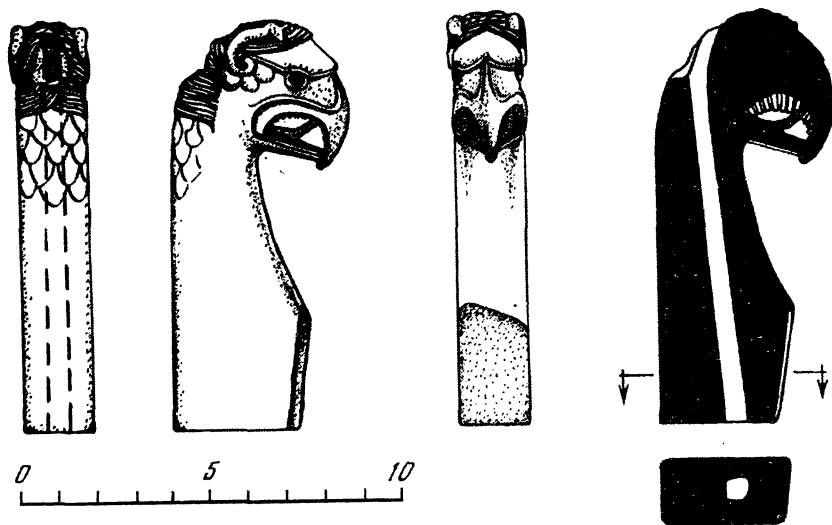


Рис. 5. Рукоять махайры. Чертеж О. Васиной

Во II тыс. до н.э. в средиземноморском мире рукояти мечей начинают снабжаться не просто птичьими головками, а грифонами. Для позднемикенской культуры, возможно, конца II тыс. до н.э. известна найденная на Фере рукоять из слоновой кости, украшенная в средней части горизонтальным поясом, гравированным орнаментом. Выше — пересекающиеся гравированная линия и голова ушастого (конские уши?) грифона в виде хищной птицы. Клюв небольшой, отогнут вниз. Голова не отогнута по углом (как на греческих махайрах), а является продолжением рукояти<sup>5</sup>.

Голова хищной птицы на рукояти меча и серпа в начале I тыс. до н.э. появляется в ассирийской материальной культуре и соответственно — на памятниках искусства. Так, на панели из слоновой кости из Нимруда царь Ашшур-нацир-апал II (883—859 гг. до н.э.) держит в правой поднятой руке сосуд, в левой опущенной — серп с рукояткой, завершающейся прекрасно проработанной головой хищной птицы. К навершию рукоять утолщается. Именно такой серп держит царь и на статуе, открытой Лейардом в Нимруде. Это серп бога Нинурты (Ninurta). Возможно, он предназначен для ритуального срезания первых колосьев во время жатвы<sup>6</sup>. Добавим, что на рельефе дворца в Хорсабаде у одного из придворных меч имел навершие в виде птичьей головки<sup>7</sup> (рис. 6).

<sup>5</sup> Poursat J.-C. Les ivoires Mycéniens. Essai sur la formation d'un art mycénien. P., 1977 // Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome. Fasc. deux cent trentième. P. 65—66, Pl. 5/4. Другой пример, приводимый Р.Д. Барнеттом (Barnett R.D. From Irviz to Constantinople: A Study in Bird-Headed Sword // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Festschrift für Kurt Bittel. Bd. I: Text; Bd. II: Tafeln. Mainz, 1983. P. 67—68, Fig. 5), происходит с Кипра. При ознакомлении с публикацией изображения, относящегося ко времени гиксосов (Vermeule E.T. Tomba Tou Skourou. The Mound of Darkness. A Bronze Age Town on Morphou bay in Cyprus. Harvard, Boston, 1971—1974. Fig. 60 — у Р.Д. Барнетта ошибочно: Fig. 61a), предложение Р.Д. Барнетта не кажется вполне убедительным. Отметим также, что на статью Р.Д. Барнетта внимание Б.А. Литвинского во время обсуждения этого сюжета в Метрополитен музее искусств обратил О. Мускарелла, за что приносим ему глубокую благодарность.

<sup>6</sup> Budge E.A.W. Assyrian Sculpture in the British Museum. L., 1914. Pl. 1; Mallowan M.E.L. Nimrud and its Remains. V. I. L., 1966. P. 58. Pl. 21.; Mallowan M., Davies L.G. Ivoires in Assyrian Style. Commentary, Catalogue and Plates. L., 1970 // Ivoires from Nimrud (1949—1963). Fasc. II. P. 16. Pl. 1.

<sup>7</sup> Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient. Harmondworth, 1963, Pl. 96 (правая фигура).

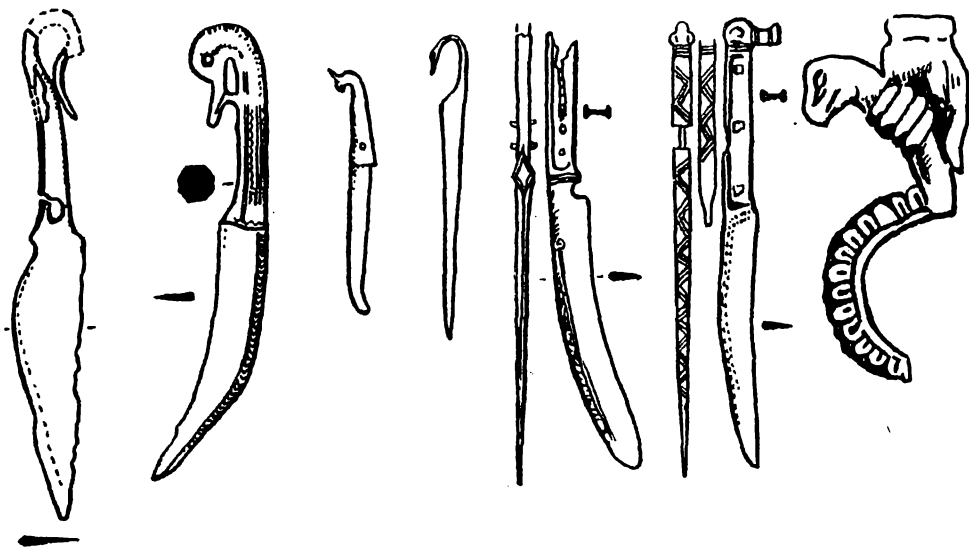


Рис. 6. Ассирийские кривые мечи-кинжалы. Рис. Т.П. Удымы

На наскальном рельефе у Ивриза у северного подножья Тавра, у Эрегли (Eregli), изображены царь Варпалавас (Warpalawas) перед богом плодородия и дождя Тарху (Tarhu). Это вторая половина VIII в. У бога уходит за спину меч. Видно его завершение волнитообразного типа<sup>8</sup>; возможно, как думает Р.Д. Барнетт<sup>9</sup>, этот завиток схематически воспроизводит голову хищной птицы.

Для истории греческого меча особый интерес представляют материалы Витса (Vitsa) из Западной Загоры, где были найдены 17 сохранивших форму мечей. Часть из них является однолезвийными. Они датируются временем с VIII до VI в. до н.э. (самые поздние относятся ко времени 350—300 гг. до н.э.).

Столь же ранними являются однолезвийные мечи с прямой рукояткой или же с рукояткой с отогнутым под прямым углом верхним концом. Это мечи с узким и длинным, равномерно изогнутым клинком. Они появляются в VIII в., их специальное название cutlass, предполагается, что этот тип мечей следует считать иллирийским. В VII в. появляется однолезвийный меч с двойным изгибом лезвия, его можно считать прообразом махайры. Есть специальное исследование этих «промахайр»<sup>10</sup>.

В конце VI в. до н.э. наряду со старым греческим мечом типа «Griffzungenschwert» появился новый, режущего (секущего) типа. Это был однолезвийный, слегка изогнутый прочный меч. Изогнутыми были и лезвие, и спинка меча. Он имел перекрестие и навершие, выступавшее в сторону режущей части и часто имевшее вид сидящей птицы, головка которой служила навершием.

<sup>8</sup> Akurgal E. Die Kunst der Hethiter. München, 1961. S. 103. Taf. XXIV, 140; Bittel K. Die Hettiter. Die Kunst Anatoliens vom Ende des 3. bis zum Anfang des 1. Jahrtausends vor Christus. München, 1976. Taf. 327—329. См. также: Orthmann W. Untersuchungen zur späthethischen Kunst. Bonn, 1971 (Saarbrükener Beiträge zur Altertumskunde, 8). S. 487. Taf. 14/e (III период позднечетского искусства).

<sup>9</sup> Barnett. From Irviz... P. 60—61.

<sup>10</sup> Важный, более широкий географический материал из северной Греции, Югославии и Румынии — см. Kilian K. Trachtzubehör der Eisenzeit zwischen Ägäis und Adria // Praehistorische Zeitschrift. 1975. Bd. 50. S. 9—140; о находках см.: Rhomiopoulou K., Kilian-Dilmeier I. Neue Funde von Vergina // Praehistorische Zeitschrift. 1989. Bd. 64. Ht 1. S. 87—114. Основополагающее исследование древнегреческих мечей — см. Snodgrass A. Early Greek Armour and Weapons from the End of the Bronze Age to 600 B.C. Edinburgh, 1964. P. 93—113. Fig. 5—6. Pl. 2. До сих пор не устарела работа: Remouchamps A. Griechische Dolch- und Schwertformen. Leiden, 1926.

Такой меч обычно обозначают старым и широко распространенным греческим термином «махайра», хотя к ним иногда применяется и другой термин — копис (kopis). Греки, как отмечает А.М. Снодграсс, «были безразличны» к терминологии оружия.

Такие мечи имели определенных предшественников в Греции (см. выше), но внезапное их широкое распространение в конце VI—V в., может быть, как считает А.М. Снодграсс, обязано или быстрой эволюции, или же заимствованию. В этой связи интересно то, что в греческом искусстве такие мечи часто ассоциируются с персами и другими восточными людьми<sup>11</sup>.

Итак, махайра — однолезвийный меч рубящего, по преимуществу, типа, но махайра могла употребляться и как колющее оружие. Они считались главным образом кавалерийским оружием, но часто применялась и пехотинцами, хотя классическим мечом пехоты был двулезвийный меч — ксифос с ромбовидным в плане лезвием<sup>12</sup>.

В исторические времена махайра рассматривалась как типично варварское оружие, употреблявшееся особенно фракийцами (их называли «махайрофоры» — μαχαίροφορος). Сам термин μαχαίρα встречается уже в «Илиаде» и «Одиссее»<sup>13</sup>.

Геродот упоминает махайру многократно<sup>14</sup>. Описания Геродота показывают, что в персидском войске махайрами были вооружены всадники, пехотинцы и морская пехота; сирийская тяжеловооруженная морская пехота (VII. 98) и киликийские матросы на 100 кораблях были с махайрами (VII. 91). Махайры в Ахеменидском государстве были распространены от Египта до Индии (к этому мы еще вернемся ниже). В Египте профессиональные воины гермотии и каласирии (они одни в Египте занимаются военным делом) были вооружены махайрами<sup>15</sup>. Обычно они служили в морской пехоте. В войске Ксеркса, идущего на Грецию, махайрами вооружены колхи, алародии и саспиры (Herod. VII. 79). И в Фермопилах хорошо вооруженные спартанские пехотинцы царя Леонида сражаются против персов также махайрами (Herod. VII. 225). У греческих авторов термин «махайра» употребляется и при описании событий архаического периода, когда махайры реально еще не существовали. Так, легендарный основатель Македонского царства Пердикка, поселившийся в садах около горы Бермий, откуда он с братьями завладел всей остальной Македонией, пользовался уже махайрой (Herod. VIII. 137). Скифы издревле применяли махайру при ритуальных клятвах (Herod. II. 61).

Безумный спартанский царь Клеомен покончил жизнь самоубийством, разрезав себя на множество кусков махайрой в 490 г. до н.э.

Профессиональный полководец Ксенофонт (О всадниках. XII. 11) считал махайру «более ужасным оружием, чем ксифос», поэтому некоторые народы, например фиванцы, сохранили махайру даже для вооружения пехоты<sup>16</sup>.

В самой Греции махайра, появившаяся, как сказано выше, еще в конце VI в., была особенно характерна для первой половины V в. до н.э. В более позднее

<sup>11</sup> Snodgrass A.M. Arms and Armour of the Greeks. London — Southampton, 1967. P. 97.

<sup>12</sup> Сокольский И.К. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С. 130—132. Нельзя не отметить, что иногда высказывается точка зрения, что махайра — двулезвийный меч: Bittner S. Tracht und Bewaffnung des persischen Heeres zur Zeit Achaemeniden. II. Auflage. München, 1985. S. 171 f.

<sup>13</sup> Best J.G.P. Thracian Peltasts and their Influence on Greek Warfare. Groningen, 1969 (Studies of the Dutch Archaeological and Historical Society. V. 1. ). P. 7—8.

<sup>14</sup> Herod. II. 41, 61; IV. 75; VI. 75; VII. 79, 89, 91, 225; VIII. 137; XI. 32.

<sup>15</sup> Herod. XI. 32.

<sup>16</sup> Анализ письменных и иконографических источников о махайре — см. Roux G. Meurtre dans un sanctuaire sur l'amphore de Panagurištë // Antike Kunst. № 7. 1964. P. 34—40.

время махайры не столь часты, но встречаются и во второй половине IV в. Из Греции благодаря торговле они проникают в Италию и Испанию<sup>17</sup>.

Находки подлинных махайр известны в разных местах. Экземпляр, опубликованный А.М. Снодграссом, имеет однолезвийный клинок. Степень изгиба средняя, причем клинок уже в верхней части и постепенно, но значительно расширяется в нижней половине, которая со стороны лезвия является (в отличие от верхней половины) не вогнутой, а выпуклой. Перекрестие одним торцом со спинкой, другим концом асимметрично нависает над лезвием. Рукоять в виде овального полукольца, разомкнутого со стороны лезвия. Верхняя его часть, обращенная в сторону лезвия, как бы нависает над ним. Именно эта часть оформлена в виде головки птицы<sup>18</sup>.

Железный меч типа махайры был найден в Големата Могила в Болгарии в комплексе V в. до н.э. Это такой же меч, как и изданный у А.М. Снодграсса, с рукоятью в виде птицы, в этом случае явно хищной. Длина 82, ширина 6 см. В нижней части рукояти сохранилась накладная пластинка из слоновой кости с овами. Вся рукоять, очевидно, была обложена слоновой костью<sup>19</sup>. Очень близкий экземпляр, хранящийся в Британском музее, происходит из Испании<sup>20</sup>.

Широкое распространение махайра имела в Северном Причерноморье. Типичная махайра была найдена в 1834 г. в Керчи в гробнице, которая отнеслась к концу IV или началу III в. до н.э. и содержала погребение воина-грека. Длина махайры около 80 см. Она незначительно изогнута по продольной оси, клинок сильно расширяется в нижней трети. Верхняя часть кольца рукояти отломана. В некрополе Мирмекия в могиле IV—III вв. до н.э. был найден меч с рукоятью в виде птичьей головки с загнутым клювом. Известны сообщения о других находках мечей, которые, судя по описанию, были махайрами<sup>21</sup>.

С конца VI в. до н.э. в произведениях греческого искусства встречаются изогнутые мечи — в руках как персов, так и греков. В ряде случаев видны детали, в частности, рукоять. Так, на одной греческой гемме, входящей в группу гемм около 500 г. до н.э., поверженный воин держит в правой руке короткую махайру, рукоятка которой завершается грифоном<sup>22</sup> (рис. 7).

В греческой краснофигурной вазописи уже в начале V в. до н.э. имеются абсолютно аналогичные вышеописанным мечам изображения рукоятей мечей с навершием в виде головки хищной птицы и длинной ручкой — шей. Сама шея в одном из случаев имеет совершенно одинаковую с тахтисангинским изображением форму — сзади она почти прямая, спереди резко закругленной кривой отходит от задней линии<sup>23</sup>.

На греческих вазах 480—460-х годов с изображениями сражающихся греков и персов в руках персов часто типичная греческая махайра, иногда даже с птичьей

<sup>17</sup> Filow B.D. Die Grabhügelnekropole bei Duvanlj in Südbulgarien. Sofia, 1934. S. 224. См. также: Remouchamps. Op. cit. S. 60. ff. Особый вопрос — влияние махайр на выработку одного из типов латенских мечей, см. Gamber O. Waffe und Rüstung Eurasiens. Frühzeit und Antike. Braunschweig, 1978 (Bibliothek für Kunst- und Antiquitätfreunde, Bd. LI). S. 413. Abb. 354, 355.

<sup>18</sup> Snodgrass. Arms and Armour. Fig. 50. См. также: Gamber. Op. cit. Abb. 295; Oakenshott R.E. The Archaeology of Weapons. L., 1960. P. 49—50. Fig. 22, 24.

<sup>19</sup> Filow. Op. cit. S. 117. Abb. 140.

<sup>20</sup> British Museum. Department of Greek and Roman Antiquities. A Guide to the Exhibition. Illustrating Greek and Roman Life. L., 1908. P. 99—100. № 221. Fig. 87.

<sup>21</sup> Сокольский. Ук. соч. С. 132—134. Табл. 1/7.

<sup>22</sup> Boardman J. Archaic Greek Gems. Schools and Artists in the Sixth and Early Fifth Century B.C. L., 1968. P. 97/264. Pl. XVIII/264.

<sup>23</sup> Hölscher T. Griechische Historienbilder des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. Würzburg, 1973 (Beiträge zur Archäologie. Hrsg. von R. Hampe, T. Hölscher, E. Simon). S. 42. (Перечень изображений на вазописи — S. 38—39, 42); Benndorf O. Griechische und sicilische Vasenbilder. B., 1868. S. 20. Taf. V/1—2.

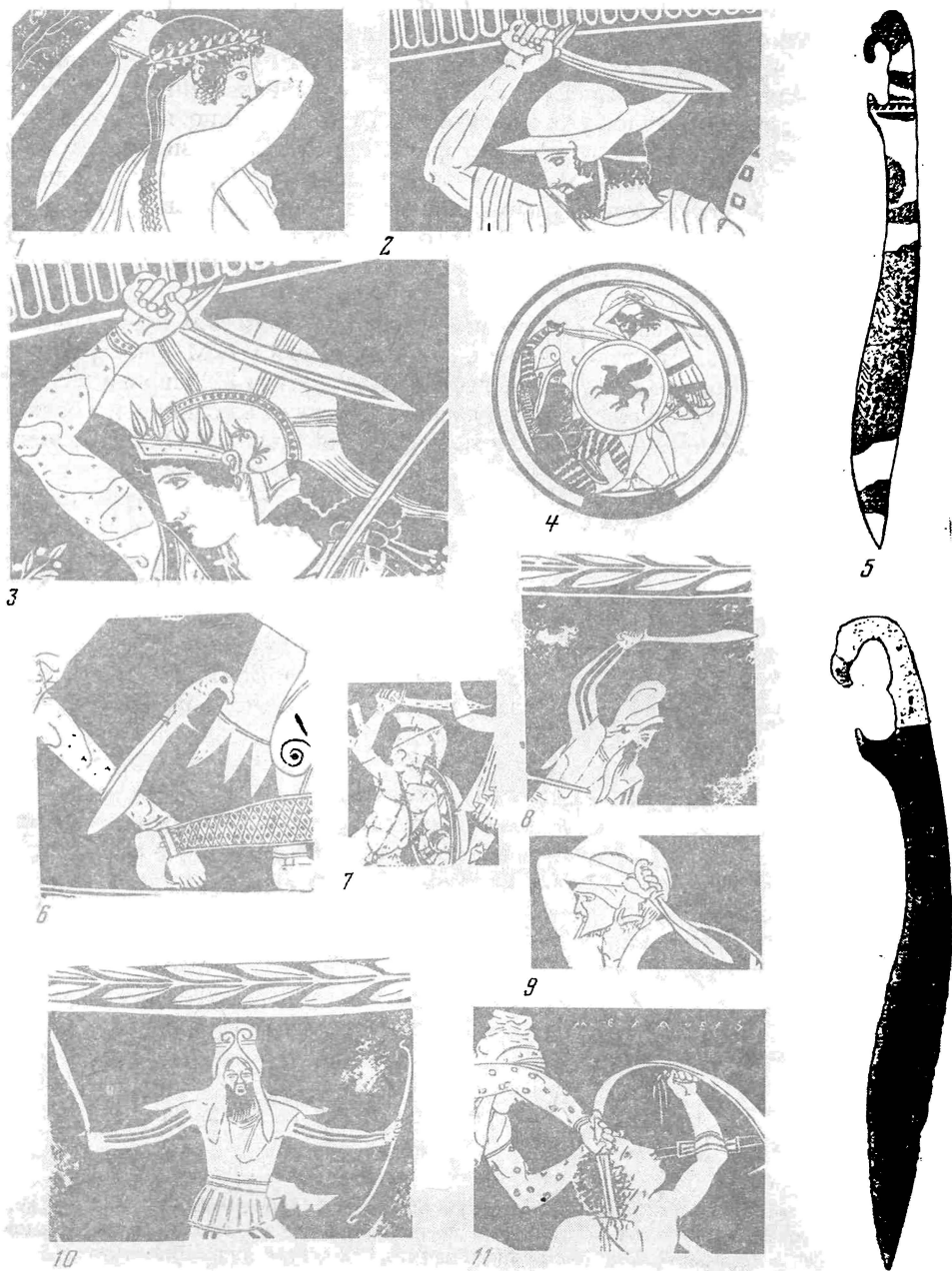


Рис. 7. Изображение махайр на греческих краснофигурных вазах 480—450 гг. до н.э. 1—5, 7—9 — греко-македонские махайры; 6, 8, 10, 11 — махайры, используемые персами и «варварами». Рис. И.Р. Пичикяна

головой на конце<sup>24</sup>. В других случаях махайра в руках обоих сражающихся — грека и перса, причем на вазах времени греко-персидских войн, когда впечатление о персах было очень ярким, например, на вазе около 480 г. до н.э. из Эдинбурга<sup>25</sup>.

В сцене амазономехии, которая изображена на замечательном кратере из Руво (Неаполитанский музей, около 460 г. до н.э.), в руках двух персонажей махайры с односторонне выступающим перекрестием и клювовидным завершением рукоятки<sup>26</sup>. Впрочем, известны изображения махайр, рукоять которых не имеет клювовидного завершения.

Еще одно изображение махайры есть на кратере около 460 г. до н.э. (мастер Ниобид): между ног грека (легендарного Тезея) крупное изображение махайры, отброшенной царицей амазонок. Рукоятка ее, припухлая в середине, передает шею, которая завершается реалистически трактованной головкой хищной птицы<sup>27</sup>. Более схематично изображение головки птицы на махайре в руках Аполлона на сосуде с росписью мастера Пентесилеи (около 455 г.)<sup>28</sup>. Изображение махайр в вазописи, а также на произведениях торевтики (в частности, на амфоре из Панагюриште, Болгария) детально изучены<sup>29</sup>.

На одной из сцен мозаики из Пелы, датированной 300-ми годами до н.э., махайру держит в поднятой руке персонаж, нападающий на льва, в левой руке он держит ножны. Махайра обычного типа, мозаичный рисунок меча сверху завершен головкой птицы, обращенной к рубящей стороне. Ножны красного цвета, другого (серого?) цвета прямое перекрестие и бутероль в виде сегментовидного диска<sup>30</sup>. Голова птицы передана очень обобщенно<sup>31</sup>.

На покрытой рельефами баллюстраде стои в святилище Афины Полиады в Пергаме изображено множество оружия — добыча у галатов (битва произошла в 189 или 188 г. до н.э.). Среди предметов вооружения — два меча. У одного видна верхняя часть, выступающая из-под щита. Это устье ножен, оформленное таким же перекрестием, как тахтисангинские из слоновой кости. По бокам сверху отходят кронштейны, закрученные в виде волуты в кружок с дырочкой в центре. Верхняя поверхность колодки вогнутая. Из нее выступает ручка, имеющая вид длинной, слегка изогнутой шеи, завершающейся головкой хищной птицы. Прекрасно моделирована головка с глубоко посаженным глазом<sup>32</sup>. Изображение близко тахтисангинскому грифону.

На другой плите изображен почти целиком слегка изогнутый меч в ножнах. Конец отломан и сбита головка наверх меча. Здесь еще четче видно перекрестие устья ножен меча — с волнообразными завитками, вогнутой

<sup>24</sup> Hölscher T. Ein Kelchkrater mit Perserkampf // *Antike Kunst*. 1974. Jahrg. 17. (дата — около 460 г. до н.э.). См. также живопись на более ранней (около 480 г.) амфоре: Bovon A. *Présentation des guerriers Perses et la notion de barbare dans la I-re moitié du V-e siècle* // BCH. 1963. V. LXXXVII. Fig. 3.

<sup>25</sup> Bovon. Op. cit. Fig. 4.

<sup>26</sup> Furtwängler A., Reichhold K. *Griechische Vasenmalerei*. München, 1904. S. 124—135; Taf. 26—28, Taf. 55. Совершенно отчетливы птичьи головки на краснофигурной вазе Британского музея (около 400 г. до н.э.) — *ibid.* S. 292—294. Taf. 58.

<sup>27</sup> Arias P.E. *A History of Greek Vase Painting*. L., 1962. P. 356—357. Pl. 179.

<sup>28</sup> *Ibid.* P. 352. Pl. 171.

<sup>29</sup> Roux. Op. cit. P. 37 sq. Pl. 8—10.

<sup>30</sup> Petsas Ph.M. Pella. Lund, 1964 (Studies in Mediterranean Archaeology. V. XIV). Fig. 2; Havelock Chr.M. *Hellenistische Kunst. Von Alexander dem Grossen bis Kaiser Augustus*. Wien und München, 1971. Farbtafel VI.

<sup>31</sup> Это хорошо видно на более крупном изображении: Charbonneaux J., Martin R., Villard F. *Das hellenistische Griechenland 330—150 v. Chr.* München, Abb. 106.

<sup>32</sup> Bohn R. *Das Heiligtum der Athena Polias Nikephoros* (Königliche Museen zu Berlin. Altertümer von Pergamon). Bd. II. B., 1885. Taf. XLIV/a.

верхней гранью, прямой нижней, двумя горизонтальными линиями на поверхности. Сверху, конечно, была головка хищной птицы<sup>33</sup>.

На votivном подписном алтаре из Ормани (древняя Егупна) в Писидии на одной из боковых сторон рельефно круглый щит, из-под которого выступают части расположенного наклонно, по диаметру, меча. Навершие его рукояти в виде головки хищной птицы, на которой, судя по рисунку, четко очерчены загнутый клюв, концы глаз, шея же покрыта тремя продольными рядами точек<sup>34</sup>. Издатели считали этот памятник эллинистическим, но А. Холл (Alan Hall) сообщил Р. Барнетту, что памятник относится к числу римских. Сам же Р. Барнетт полагает, что он, вероятно, «эллинистического времени»<sup>35</sup>.

На одном греческом надгробии начала I в. до н.э. из Халкедонии (сейчас — в Лувре) изображено несколько предметов, в том числе прямой меч в ножнах. Ножны в виде слабо суживающейся полосы, в нижней трети — в виде треугольника. На нижний конец ножен одето поперечно-овальное кольцо. Ножны окаймлены вдоль сторон и вдоль устья рельефным кантом, соединенным тремя полосками-перемычками. Перекрестие неширокое, в виде пятиугольника. Из его вершины выступает ручка, слегка отклоняющаяся от продольной оси меча и завершающаяся орлиной головкой<sup>36</sup>.

Число примеров, разумеется, можно было бы увеличить, по некоторым направлениям — многократно. Но и приведенный выше материал убеждает, что изготовленная из слоновой кости рукоять меча из храма Окса связана с миром греко-эллинистического оружия, с мечами-махайрами, которые, судя по сохранившимся образцам и по иконографии, часто имели навершие рукояти в виде головки хищной птицы. Однако у греческих махайр это навершие было металлическим, к тому же это был в абсолютном большинстве случаев не грифон, а голова хищной птицы. Были и исключения, например, рукоять с головой грифона из III Семибратнего кургана. Голова — серебряная, гребень и горло — из золота. Основанием головы в нижней части был железный стержень. Это — верхняя часть рукояти махайры, с обложенной серебряными пластинками остальной частью железной рукояти<sup>37</sup>. На применение слоновой кости или рога при изготовлении махайр указывают письменные источники (Poll. 10.90).

Необходимо обратиться к образу грифона в греческой и ахеменидской культурах. Литература по историографии и семантике грифона огромна<sup>38</sup>. История грифона в изобразительном искусстве начинается со времени, отстоящего от нас на пять тысячелетий. В Средиземноморье едва ли не древнейшими являются древнеегипетские додинастические изображения грифона на палетке из Гиераконполя, а также из Джебель эт-Тарифа, вблизи Абидоса, которые датируются вре-

<sup>33</sup> Ibid. Taf. XLV/b (у Барнетта номер таблицы неточен). Описание Бона краткое и не вполне точное — см. Bohn. Op. cit. S. 95—96, 111. Все это согласуется и с письменными данными об оружии галатов (S.127—138).

<sup>34</sup> Swoboda H., Keil J., Kroll F. Denkmäler aus Lykaonien, Pamphylien und Isaurien. Prag-Leipzig-Wien, 1935 (Deutsche Gesellschaft der Wissenschaften und Künste für die Tschechoslowakische Republik in Prag). P. 49—50. № 106.

<sup>35</sup> Barnett. From Irviz... P. 70—71.

<sup>36</sup> Pfuhl E., Möbius H. Die ostgriechischen Grabreliefs. Mainz, 1979. S. 547. № 2272. Taf. 327/2272.

<sup>37</sup> Сокольский. Ук. соч. С. 132. Табл. 1/2.

<sup>38</sup> Furtwängler A. Gryphs // RML. Bd 1/2.. Lpz, 1886—1890. Sp. 1742—1777; Durrbach F. Gryphs ou gryphus // Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. T. II. Nachdruck. Graz. P. 1668—1673; Ziegler. Gryphs // RE. Bd. VII. Hlbd XIV. Stuttgart, 1912. Sp. 1902—1929; Marunti M.G., Rudenko S.I., Manganaro G. Grifo // Encyclopedica dell'arte antica classica e orientale. T. III. Roma, 1960. P. 1056—1063; Bisi A.M. Il grifone storiace di un motive iconografica nell'antico oriente Mediterraneo // Studi semitici. Università di Roma. Centro di studi semitici. 13 Roma, 1965; Deplace Ch. Le grifon de l'archaïsme à l'époque impériale. Étude iconographique et essai d'interprétation symbolique // Études de philologie, d'archéologie et d'histoire anciennes. publiées par l'Institut Historique Belge de Rome. T. XX. Bruxelles — Rome, 1980 и т.д.

менем около 3000 г. до н.э. В первом случае это стилизованное изображение крылатого кошачьего хищника с головой хищной птицы<sup>39</sup>. Грифон затем продолжал изображаться, видоизменяясь, на протяжении всей истории Старого, Средне-о и Нового царства. Одно из древнеегипетских названий грифона означает, в частности, «уничтожать», другое имя грифона — «быстрый»<sup>40</sup>.

В начале II тыс. до н.э. этот сюжет распространился в сиро-палестинской области, в Анатолии, на Кипре, во всей области крито-микенской культуры<sup>41</sup>. Уже в архаическую эпоху изображения грифонов широко известны в греческом искусстве. В IX—VII вв. были изображения грифонов из слоновой кости, в том числе в виде протом.

В классическом искусстве V в. до н.э. грифон играл незначительную роль, но примерно с 400 г. количество изображений грифонов резко возрастает. Отчетливо это видно по расписным краснофигурным вазам. Краснофигурные пелики позднего стиля с изображениями большого количества грифонов во множестве найдены в городах Северного Причерноморья<sup>42</sup>. Грифоны изображаются в металле, рельефах, терракоте, на мозаиках. Мотив львиного грифона был в VI—IV вв. распространен на монетах Фокея, Теоса, Абдер, Кизика, Смирны, на ликийских монетах<sup>43</sup>. Кстати, П. Амандри отметил, что, в целом, грифон в греческом искусстве — создание, которое очень трудно датировать на основании стиля<sup>44</sup>.

Очень важную роль в развитии образа грифона сыграла Сирия, являясь одним из центров, где происходило оформление этого мотива. Орлиноголовый грифон появился в Сирии по крайней мере в XVIII в. до н.э. Один из примеров — изображение на печати из Талл Чагар Базар (Tall Chagar Bazar) в Сирии. Здесь у грифона закрытый клюв, на голове — длинный, уходящий назад завиток. Вообще, в сирийской глиптике II тыс. до н.э. грифон фигурирует часто, причем с львиным телом и птичьей головой<sup>45</sup>. Хотя иногда он борется с каким-либо зверем, чаще он показан не в движении. В сценах борьбы зверей грифон чередуется со львом. Сирийское искусство знало и изображения грифонов на слоновой кости. Изображение грифона было популярно и в хеттской глиптике II тыс. до н.э. (грифоны обычно одиночные, с птичьей головой), и в печатях митаннийского круга, типа Керкук, где грифоны также одиночные, изредка нападают на мелких животных, но чаще они лежат или сидят. Очень рано в месопотамской иконографии появляются изображения различных фантастических существ, и хотя некоторые напоминают грифона, ни одно из них не является подлинным грифоном, которые появляются лишь во второй половине II тыс. до н.э.<sup>46</sup>

<sup>39</sup> Bisi. Op. cit. P. 20—38. Fig. 1/1.—4/33; Deplace. Op. cit. P. 6—7.

<sup>40</sup> Goldman B. The Development of the Lion-Griffin // AJA. 1960. V. 64. № 4. P. 327.

<sup>41</sup> Deplace. Op. cit. P. 6—7. См. также: Bisi. Op. cit. P. 39.

<sup>42</sup> Boháč J.M. Kertscher Vasen mit besonderer Berücksichtigung der Tschechoslowakischen Sammlungen. Československé Akademie VĚD. Praha, 1958. Obr. 39, 40, 45, 46, 52, 54, 59, 61.

<sup>43</sup> Jantzen U. Griechische Greifenkessel. B., 1955; Amandry P. Grèce et Orient // Études d'archéologie classique. I (1955—1956). P., 1958. P. 3—15; Benson J.L. Unpublished Griffin Protomes in American Collections // Antike Kunst. 1960. 3. P. 58—69; Amandry P. Plaques d'or de Delphes // AM. 1962. Bd 77. B., 1963. P. 56—62; Simon E. Zur Bedeutung des Greifen in der Kunst der Kaiserzeit // Latomus. 1962. T. XXI. S. 749—762; Deplace. Op. cit. P. 13—238. Изображения грифонов на греческих монетах см. Head B.V. Catalogue of the Greek Coins of Ionia (of the British Museum). Bologna, 1964. Pl. IV/8—12, XXX/1—5; Wroth W. Catalogue of the Greek Coins of Mysia (of the British Museum). Bologna, 1964. Pl. III/3; V/16—17; SNG (of the Great Britain), I, 1. L., 1931. Pl. IV/96—100; SNG. Copenhagen, 1945—1946. Pl. 23/1031—1045; 33/1433—1442; SNG (Deutschland) Sammlung v. Aulock, 6. Ionien. B., 1960. Pl. 70/2551—2555 и др.

<sup>44</sup> Amandry. Plaques... P. 61.

<sup>45</sup> Frankfort H. Notes on the Cretan Griffin // Annual of the British School of Archaeology at Athens. V. 37. (session 1936—37). L., 1940. P. 106; Goldman. Op. cit. P. 321—322.

<sup>46</sup> Frankfort. Notes..., P. 108; Ortmann. Untersuchungen... S. 331—338.

Крылатый грифон с телом животного и крылатый грифон — демон с человеческим телом — оба этих образа распространялись в ассирийском искусстве со среднеассирийского периода. «Очевидно, — пишет Т.А. Мэдхлум, — что грифон на среднеассирийских печатях происходит от изображений на так называемых митаннийских печатях». Около 1600—1350 гг. царство Митанни и другие образования, населенные хурритами, простирались от Ассирии до области Керкука и Северной Сирии. Грифоны и грифоны-демоны, распространившиеся в Северной Месопотамии в среднеассирийский период, отсутствовали в Вавилонии, так как она не подвергалась столь сильному митаннийскому влиянию. В Вавилонском искусстве по-прежнему был распространен дракон *musrušu* и крылатый лев. Грифон — охранитель священного дерева, он защищает царя и божеств и вместе с тем нападает на людей и животных. Он играл важную роль в деле охраны дворцов — в одном закладном ящике при постройке дворца было похоронено глиняное изображение грифона.

Ассирийский грифон имел специфические черты. В частности, ассирийские грифоны имеют открытый клюв. Исходные прототипы из сирийского и митаннийского искусства имели плотно закрытый клюв. Исследователи видят в этом результат вавилонского влияния<sup>47</sup>.

В новоассирийском искусстве грифоны представлены только на цилиндрических печатях и на украшениях стен, но не на каменных рельефах. Меньше распространена форма, когда задние лапы и хвост являются птичьими, больше — с обычным львиным туловищем, но в обеих формах с птичьей головой<sup>48</sup>.

Длительную и сложную историю имеет образ грифона в Иране и окружающих областях<sup>49</sup>. Уже на одной булле из Суз эпохи Сузы C/a — b (т.е. 3300—3000 гг.) имеется отпечаток двух идущих влево орлиноголовых львов с непропорционально длинными туловищами<sup>50</sup>. В это время имеются и другие изображения грифонов<sup>51</sup>. Это крылатые кошачьи хищники с передней частью в виде хищной птицы<sup>52</sup>, козла<sup>53</sup> или даже целые «агрегаты» животных<sup>54</sup>. Согласно П. Амье, эти грифоны — «специфически эламский мотив», попавший в Элам из додинастического Египта<sup>55</sup>. Грифоны продолжают изображаться в эламской глиптике и во II тыс. до н.э., в том числе в среднеэламское время, в XIV—XII вв.<sup>56</sup> и в начале I тыс. до н.э.<sup>57</sup> Изображения грифонов эволюционировали в искусстве Ирана в конце II — начале I тыс. до н.э. В Марлике, Тепе Сялке, Луристане, Зивие, Чога Занбиле, в разных прикаспийских областях имеются многочисленные изображения грифона, восходящие к разным традициям — от египетской и

<sup>47</sup> Madhloom T.A. The Chronology of Neo-Assyrian Art. L., 1970. P. 105—109.

<sup>48</sup> Ortmann. Op. cit. S. 331—338. Как отметил Х. Симонетт, в позднеассирийском искусстве наблюдается усиление акцента на «птичий» характер львиного грифона — *Simondtt Ch. Die geflügelten Löwen aus Augst. // Schriften des Institutes für Ur- und Frühgeschichte der Schweiz, I. Basel, 1944. S. 17.*

<sup>49</sup> Из обобщающих исследований см.: Bisi A.M. Grifone nell'arte dell'antico Irān e dei popoli delle steppe // Rivista degli studi orientali. 1964. V. XXXIX. Roma. 1964. P. 15—35. Fig. 1—9. Pl. I—II; Khazai Kh. L'évolution et la signification du griffon dans l'iconographie iranienne // Iranica antiqua. 1978. V. XIII. P. 1—25. Fig. 1—9.

<sup>50</sup> Amiet P. Glyptique susienne. V. I. Texte. Planches // MDAI. 1972. T. XLIII. P. 95. Pl. 12/581.

<sup>51</sup> Ibid Texte. P. 76.

<sup>52</sup> Ibid. Texte. P. 95, 107; Planches. P. 12/585—587, 18/692A.

<sup>53</sup> Ibid. Texte. P. 95; Planches. Pl. 12/579—580.

<sup>54</sup> Ibid. Texte. P. 95; Planches. P. 12/582—583.

<sup>55</sup> Ibid. Texte. P. 76.

<sup>56</sup> Ibid. P. 270; Planches. Pl. 37/2082, 2084, 2086.

<sup>57</sup> Ibid. Texte. P. 276; Planches. Pl. 37/2195, 184/2126—2127.

передневосточной до степной<sup>58</sup>. Мы не можем даже кратко охарактеризовать каждое из этих изображений. Приведем лишь примеры.

Грифон в виде крылатого орлиноголового льва встречается в иконографии Марлика: например, идущий влево грифон на стенке золотого сосуда. Клюв полуоткрыт<sup>59</sup>. Встречаются изображения грифона на перхелане некрополя Теле Сяалка, Луристана<sup>60</sup>. На золотой пластинке, происходящей, очевидно, из Зивие, из клада в бронзовом гробу, сохранились пять регистров изображения фантастических животных с телом льва. Одно из них — крылатый лев, с головой рогатого орла. Клюв плотно закрыт, конец верхней половины клюва опускается ниже основания нижней половины. Дата — VIII—VII вв. до н.э.<sup>61</sup> Из Зивие происходит скульптурная золотая голова грифона. Это прекрасно моделированная голова хищной птицы с открытым клювом<sup>62</sup>. Грифоны изображены в Сузах на поливных кирпичах VII в. до н.э. и на пиксиде<sup>63</sup>. Подобное изображение есть и в Сурх-Думе<sup>64</sup>. Из Сузы происходит бронзовая голова орлиного грифона VII в. до н.э. Прекрасная работа, очень хороша моделировка глаза, в который посажен зрачок. Клюв раскрыт, язык в передней части закругляется и поднят. Все эти направления развития иконографии грифона, включая греческое влияние, отразились на иконографии грифона ахеменидского времени<sup>65</sup>.

Ахеменидское искусство знало разные виды грифонов. Часто это сложносоставное существо с хвостом скорпиона и задними ногами в виде ног хищной птицы. Нашла отражение и греческая традиция, когда корпус грифона целиком львиный, а на голое — рога. И в трактовке тех грифонов, которые восходят к ассирийским прототипам, как отмечает фон Г. Галль, также появились новые черты.

Многообразие обликов грифонов нашло отражение в монументальной скульптуре — в персепольских рельефах. В тронном зале Персеполя крылатый грифон с птичьими ногами, крыльями и головой, но с телом и шеей льва<sup>66</sup>. В этом же зале есть рельефы, где герой сражается с чудовищем в виде крылатого рогатого льва с птичьими ногами и хвостом скорпиона. Голова повреждена, но, возможно, она птичья<sup>67</sup>. В Главном зале дворца Дария грифон в виде крылатого рогатого чудовища с телом и головой льва, птичьими ногами и хвостом скорпиона<sup>68</sup>. Такое же чудовище — в гареме Ксеркса<sup>69</sup>. В виде спаренных

<sup>58</sup> Характеристику и библиографию см. *Khazai*. Op. cit. P. 1—6; *Bisi*. Op. cit. P. 18—26. Fig. 3—7.

<sup>59</sup> *Negahban E.O.* A Preliminary Report on Marlik Excavation. Gohar Rud Expedition. Rudbar 1961—1962. Tehran, 1964. Fig. 111, 144. P. 54. Он допускает «связь с героической мифической птицей Ирана — симургом».

<sup>60</sup> *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk. V. II. P., 1939. Pl. XXXI/11—13; LXXXVI/2; XC/1.

<sup>61</sup> *Dorman P.F., Harper P.O., Pittman H.* The Metropolitan Museum of Art. Egypt and Ancient Near East. N.Y., 1987. P. 138. Pl. 101 (Ann and George Blumenthal Fund, 1954; Rogers Fund. 1962. Fig. 54.35; 62.78.1 a,b). См. также: The Metropolitan Museum of Art. Ancient Near Eastern Art. N.Y., 1984. Fig. 64.

<sup>62</sup> *Godard A.* Le trésor de Ziwiyé (Kurdistan). Haarlem, 1950. Fig. 30; *Osten H.H. van der.* Die Welt der Perser. Stuttgart, 1962. Taf. 36. См. также: *Belloni G.G., Dall'Asen L.F.* Iranian Art. L., 1969. Pl. 38—39.

<sup>63</sup> *Amiet P.* Elam. P., 1966. Ill. 395, 396, 397, 400 A.

<sup>64</sup> *Idem.* Collection D.-W. P. 59. Fig. 39 (фаянсовая ваза, грифон в виде крылатого идущего влево четирыхногого животного с головой хищной птицы).

<sup>65</sup> Наиболее детальная характеристика: *Gall H. von* Die paphlagonischen Felsgräber. Eine Studie zur kleinasiatischen Kunstgeschichte (Istanbuler Mitteilungen, Beiheft 1). Tübingen, 1966. S. 21—29. См. также: *Barnett R.D.* The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus // *Iranica Antiqua*. 1968. V. VIII. P. 41—42; *Rehm E.* Der Schmuck der Achämeniden (Altartumskunde des Vorderen Orients. Bd 2). Münster, 1992. S. 284—285.

<sup>66</sup> *Schmidt.* Persepolis. I. Pl. 114/A.

<sup>67</sup> *Ibid.* P. 137. Pl. 115—116.

<sup>68</sup> *Schmidt.* Persepolis. I. P. 226. Pl. 145/A, B.

<sup>69</sup> *Ibid.* Pl. 196.

грифонов высекались иногда капители колонн в Персеполе. Так, во время раскопок 1953 г. в Персеполе во дворце Ксеркса была открыта капитель с направленными в противоположные стороны головами грифонов<sup>70</sup>. Положение клюва, как и дугообразной вырез верхней половины клюва, заступание кончика клюва за конец нижней половины — все это, как и общее очертание головы, напоминает тахтисангинский экземпляр. Но трактовка головы совсем иная, абсолютно реалистическая. И в декорации Суз имеются грифоны. Это идущий крылатый и рогатый лев<sup>71</sup>. Но иногда такой грифон имеет то же крылатое туловище с головой рогатого орла. Многочисленные изображения грифонов и в искусстве Урарту (в том числе и из слоновой кости)<sup>72</sup>.

Обильны примеры ахеменидских ювелирных изделий в виде грифона. Одна из них — это завершения в виде грифонов незамкнутых золотых браслетов из Клада Окса № 116<sup>73</sup>. У грифонов тело крылатого льва с выброшенными вперед горизонтально ногами (с условной, в виде овала выемкой, передачей мускулатуры). На львиной шее — голова рогатого, с длинными ушами, орла. Конец верхней части клюва находит на нижнюю, между половинками клюва — щель, в которой виден язык. Поверхность покрыта выемчатыми и в технике «клуазонне» ячейками, в одной сохранилась вставка лазурита. Общее очертание головки близко тахтисангинскому грифону. То же самое можно сказать об основании серебряного ритона № 14 Клада Окса — оно имеет вид рогатого и крылатого грифона. Голова орла похожа на вышеописанную. Согласно О.М. Далтону — это V в. до н.э.<sup>74</sup> Другой пример — это золотой эгрет из того же Клада Окса. Тело выполнено рельефом — в виде пластично лежащего крылатого льва с подогнутыми ногами. Шея и голова объемные, почти скульптурные, повернуты в фас к зрителю, рот открыт, длинные треугольные уши, отогнутые назад рубчатые рога. Имеются ячейки «клуазонне». Хотя датировка О.М. Далтона — Е.В. Зеймалю IV или вторая половина IV—III в. до н.э.<sup>75</sup> слишком ранняя, ее следует обсудить особо в другом месте; для нас важно, что такой образ был распространен в еще более раннее время (V в.). Об этом свидетельствует происходящая из того же клада серебряная головка льва-грифона<sup>76</sup>. Примыкает к ней бронзовая скульптурная фигурка крылатого и рогатого льва-грифона, как будто найденная на р. Гильменд, по мнению О.М. Далтона, связанная с Бактрией и относящаяся к IV в. до н.э.<sup>77</sup>

Есть целая серия золотых бляшек, оформленных в виде головы рогатого орлиноголового грифона<sup>78</sup>, известны изображения головы хищной птицы (грифона?), изготовленные с использованием трехцветной стеклянной пасты<sup>79</sup> и

<sup>70</sup> Godard A. The Newly-Found Palace of Prince Xerxes at Persepolis and Sculptures which the Architects Rejected // The Illustrated London News. 1954. V. CCXXIV. January 2. P. 18, Fig. 5—8; Vanden Berghe L. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959. P. 35—36. Pl. 43/e.

<sup>71</sup> Amiet. Elam. III. 360.

<sup>72</sup> Barnett R.D.A. A Catalogue of the Nimrud Ivory. II ed. L., 1957. P. 229. Pl. CXXXI/W-13-45.

<sup>73</sup> Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with other Examples of Early Oriental Metal-Work. L., 1964. P. 11—13. Pl. 1/23; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979. С. 44.

<sup>74</sup> Dalton. The Treasure... P. 6—7. Pl. II, 14; Зеймаль. Ук. соч. С. 40—41.

<sup>75</sup> Dalton. Op. cit. P. 49. XXV/194.

<sup>76</sup> Ibid. P. 32—34. Pl. I/116; Зеймаль. Ук соч. С. 64—65.

<sup>77</sup> Dalton. The Treasure... P. 42—43. Pl. XXII. В виде львиного орлиноголового ритона оформлено основание и серебряного ритона (коллекция Фуруги из Дайламана) — Ghirshman R. Le rhyton en Erān (Notes Iraniennes, XI) // Artibus Asiae. 1962. V. XXV/1. P. 77. Fig. 25.

<sup>78</sup> Kantor H.J. Oriental Institute Museum Notes. № 8. Achaemenid Jewelry in the Oriental Institute // JNES. 1957. V. XVI. № 1. Pl. IV; Vanden Berghe. Op. cit. P. 278. Pl. 135/f; Ghirshman R. Perse. Proto-Iraniens. Mèdes. Achéménides. P., 1963. Pl. 319; пять золотых бляшек из коллекции Бостонского музея изящных искусств (Helen and Alice Colburn Fund), № 66. 325—329.

<sup>79</sup> SPA. V. VII. Tehran—London—New York—Tokyo, 1967 (reprint). Pl. 76.

слоновой кости<sup>80</sup>. Грифон встречается в ахеменидской глиптике в виде крылатого льва<sup>81</sup>, часто крылатого рогатого льва с лапами орла<sup>82</sup> и т.д.

Грифон занимает значительное место в изобразительном искусстве древних народов Средней Азии. В эпоху бронзы в Бактрии и Маргиане появляются изображения различных фантастических существ, в том числе крылатые львы и другие кошачьи животные. В одном случае на одной стороне печати изображение крылатого льва, на другой — орла в геральдической позе. В другом — крылатый лев имеет хвост змеи. Редко встречались изображения грифонов с птичьей головой<sup>83</sup>.

Последующая история грифона в искусстве Средней Азии нашла довольно полное отражение в специальной работе Г.А. Пугаченковой<sup>84</sup>. Из всего имеющегося материала отметим в связи с нашей темой лишь алебастровую форму из Калалы-гыр I, служившую для отливки алебастровой капители с головой грифона. Аналогия — указанная выше ахеменидская капитель из Персеполя<sup>85</sup>.

И разумеется, в скифском искусстве грифон являлся весьма распространенным сюжетом. Но это — особая тема<sup>86</sup>.

Образ грифона и образ орла тесно связаны. Греки и римляне считали, что орел превосходит всех птиц и является единственной, которая действительно живет вместе с богами на небесах. В древних Вавилоне, Персии, Малой Азии, Греции, Италии и Египте орел — птица царей. У Ахеменидов и Птолемеев основатель династии находится под защитой орла, то же самое — основатель фригийской династии. Наследников лидийского царя Тантала называли поколением орла и т.д. Поэтому в Греции, Этрурии и Риме орел был царским символом. То же самое можно сказать про Александра и диадохов. Орел обеспечивал победы в бою. Орел выступал и во многих других верованиях, часто изображался в искусстве. Что касается грифона, то в его реальное существование, конкретно в Индии, древние греки верили. Он считался соседом богов и был хранителем общей священной сущности<sup>87</sup>.

---

<sup>80</sup> *Stucky R.A.* Achämenidische Hölzer und Elfenbeine aus Ägypten und Vorderasien im Louvre // *Antike Kunst*. 1985. 28. Jahrg. 1. Ht. S. 31. Taf. 11/42.

<sup>81</sup> *Porada E.* The Collection of the Pierpont Morgan Library. (The Bollingen Series, XIV). N.Y., 1948 (Corpus of Ancien Near Eastern Seals in North-American Collections). V. I (text). P. 102. V. I (plates). Pl. CXXII/815e; *Amiet P.* Glyptique Susienne. V. I. Texte. 1972. P. 285; Planches. Pl. 189/2206; *Bleibrey E.* Rollsiegel aus dem Vorderen Orient. Wien, 1981. S. 92. Fig. 113; *Stern E.* Material Culture of the Land of the Bible in the Persian Period 538—332 B.C. Warrington — Jerusalem, 1982. P. 196, 198. Fig. 316 (более четкая фотография); *Collon D.* First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. L., 1987. P. 90. Pl. VII a/428.

<sup>82</sup> *Richter G.M.A.* Late «Achaemenian» or «Graeco-Persian» Gems // *Hesperia*. Supplement VIII. 1949. P. 298. Pl. 31/3; *idem.* Engraved Gems of the Greeks and Etruscan. A History of Greek Art in Miniature. L.—N.Y., 1968. P. 128—129. Fig. 492, 494; *Schmidt E.* Persepolis. V. II // The University of Chicago. University Oriental Institute Publications. V. LXIX. Chicago, 1957. P. 18. Pl. 3/PT — 4.673; *Amiet.* Glyptique... V. I. Texte. P. 286. Planches. Pl. 190/2222.

<sup>83</sup> *Сарианиди В.И.* Древнебактрийский пантеон // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культуры Центральной Азии. Вып. 10. М., 1986. С. 20. Рис. 3/26, 29, 4/31, 36; *Sarianidi V.* Die Kunst des alten Afghanistan. Architectur, Keramik, Siegel. Kunstwerke aus Stein und Metall. Lpz., 1986. S. 231—234. Fig. 138.

<sup>84</sup> *Пугаченкова Г.А.* Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии // СА. 1959. № 2. С. 70 след. См. также: *Ремпель Л.И.* Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 40—46.

<sup>85</sup> *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 112. Рис. 53.

<sup>86</sup> См., в частности: *Погребова М.Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. 1948. Вып. XXII. С. 42 сл.

<sup>87</sup> *Keller O.* Die antike Tierwelt. Bd. II. Nachdruck. Hildesheim — New York, 1980. S. 1—8; *Toynbee J.M.C.* Tierwelt der Antike // Kulturgeschichte der antiken Welt. Bd. 17. Mainz am Rhein, 1983. S. 228—231.

В представлениях греков грифон являлся по преимуществу могущественным противником персов и символом победоносной силы. Поэтому на некоторых монетах Александра Македонского на шлеме изображения Афины помещен птицеголовый крылатый львиный грифон<sup>88</sup>. Отметим, что орел — ведущий компонент в композитном фарне ахеменидских царей (Хеп. Суг. 7.1.4; 2.4.19; Anab. 1.10.12; Curt. 3.3.16)<sup>89</sup>.

В греческой традиции грифоны были связаны с аримаспами, шире — с Востоком<sup>90</sup>. В сочинении Ктесия «Индика» говорится, что «в Индийской земле» «обитают грифы, четвероногие птицы, величиной с волка, с ногами и когтями, как у льва. Перья (у них) на всем теле — черные, а на груди — красные» (FGrH, 688, fr. 45l = Aelian. N.A. 4. 36). Кроме того, он сообщает о грифе, что это индийское животное «четвероногое, наподобие льва, когти имеет чрезвычайно сильные и притом так же похожие на (когти) льва», «клюв орлиный». Грифы вступают в борьбу с людьми и разными животными и «одолевают их, кроме льва и слона». При этом Ктесий ссылается на рассказ «бактрийцев, соседей индийцев» (FGrH. 688, fr. 45h = Aelian. N.A. 4. 27). Грифы являются хранителями золота. Согласно Филострату (Ш. 48), грифы у индейцев посвящены Солнцу и влечут колесницы с изваяниями, изображающими Солнце. В приведенных выше сообщениях Ктесия И.В. Пьянков видит ряд моментов, которые могут «...действительно восходить к восточным, в частности к бактрийским, преданиям о грифах, хотя определенно доказать этого нельзя»<sup>91</sup>. Следует думать, что в иранском мире образ грифона имел очень широкий семантический спектр (это относится к грифону и в других традициях)<sup>92</sup>.

Не останавливаясь на всем этом круге проблем (грифон — дерево жизни, грифон — Солнце), отметим лишь, что, как показывают письменные источники (Paus. 1.23.5) и многочисленные изображения, грифоны выступают как стражи богов, живых и мертвых людей. Вместе с тем грифон связан со светом, с производительными силами природы и др. Но в данном случае самое главное, что грифон символизирует апотропей и принцип борьбы и победы, что нашло, в частности, отражение и в легенде об аримасах<sup>93</sup>.

Из вышеизложенного следует, что грифон не был чужд верованиям древних иранцев. Отсюда интерес ученых к проблеме: грифон и «Авеста». Как пишет Г.П. Шмидт, «"Авеста" знает только не составную мифическую птицу, *пәгәуа саёна*, которая, как ее этимологический эквивалент в санскрите, *śuena*, наиболее вероятно означала "сокол" или "орел", в то время как среднеперсидские источники описывают "*senmurv*" как композитное существо и сасанидское искусство дает этому подтверждение»<sup>94</sup>. В «Авесте» *saēna* упоминается в связи с божеством победы Вэрэтрагной и с божественным фарном, живет в центре озера Воуракаша, на вершине «древа жизни», которое также является «древом здоровья», оно более детально описывается в позднем зороастрийском сочинении.

<sup>88</sup> Hill G.F. Alexander the Great and the Persian Lion-Gryphon // JHS. 1923. V. XLIII. P. 156—161. Fig. 1.

<sup>89</sup> Детальный анализ этих сведений. — Cow A.S.F. Notes on the Persae of Aeschylus // JHS. 1928. V. XLVIII. P. 138—140.

<sup>90</sup> Пьянков И.В. Бактрийский гриф в античной литературе // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 24.

<sup>91</sup> Bolton J.D.P. Aristaeus of Proconnesus. Oxf., 1962. P. 65—93.

<sup>92</sup> Пьянков. Бактрийский гриф... С. 24.

<sup>93</sup> Рапопорт Ю.А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977. С. 62—65.

<sup>94</sup> Детальная сводка существующих данных: Flagg I. Untersuchungen zur Bedeutung des Greifen. Sankt Augustin, 1975. S. 27—121.

Г.П. Шмидт<sup>95</sup> категорически отрицает возможность того, что образ Семурга<sup>96</sup> как сложно-составного мифического существа развился из авестийской мифической птицы<sup>97</sup>. Другие ученые, напротив, считают, что *saēna* являлась прототипом Семурга<sup>98</sup>. Проблему решенной считать нельзя, но наличие среди образов «Авесты» образа могучей мифической хищной птицы — бесспорно.

«Бактрийцы и другие ираноязычные народы сопоставляли грифона с гигантской огненной птицей, воплощающей свет, солнце»<sup>99</sup>.

Вопрос о датировке тахтисангинской рукояти очень сложен, хронологические границы возможной датировки тахтисангинской рукояти очень широки. Но обратимся к деталям.

Уже в хеттском искусстве орлиноголовый львиный грифон порой имеет длинный рог с завитком на конце, свисающий вниз иногда до плеч чудовища. Позже, в VIII—VII вв. рог делается значительно более коротким и доходит лишь до верхней части шеи. Встречается этот мотив и в Зивие<sup>100</sup>, в Урарту<sup>101</sup>.

Рог в виде завитка очень рано появляется и в Греции. Так, например, на литой бронзовой голове грифона из Олимпии (около 650 г. до н.э.)<sup>102</sup> рог в виде завитка проходит снаружи орбиты глаза и непосредственно под ним, отвернут назад и вверх в виде волуты. В Олимпии найдена целая серия таких бронзовых голов с аналогичными рогами на лбу<sup>103</sup>. Возможно, это исходный пункт развития ряда<sup>104</sup>. В Тегеранском музее хранится золотая голова орлиноголового грифона доахеменидского времени, клюв открыт. Рядом с глазом спускается небольшой рельефный жгут с петлей на конце<sup>105</sup>. В принципе этот завиток похож на рогообразный завиток на тахтисангинском грифоне, но выходит из-под волос (в тахтисангинском — над волосами). На эрмитажной золотой фигурке орлиноголового крылатого грифона, которую В.Г. Луконин атрибутировал как происходящую из Ирана IV—III вв. до н.э., в верхней части головки рог в виде небольшого S-образного завитка<sup>106</sup>.

Рога-завитки, очень близкие по трактовке тахтисангинскому изображению, у грифонов на штампованных изображениях медных пластин из второго Пазырыкского кургана. На этих же пластинах, а также на деревянных украшениях конской узда из первого Пазырыкского кургана, основание верхней

<sup>95</sup> Schmidt H.P. The Sēnmurw // *Persica*. 1980. IX. P. 3—8.

<sup>96</sup> Тревер К.В. Сэнмурв — паскудж. Собака — птица. Л., 1957.

<sup>97</sup> Schmidt. Op. cit. P. 3.

<sup>98</sup> Khazai. L'évolution... P. 1—34. См. также: Brunner Ch.J. Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art. N.Y., 1970. P. 4.

<sup>99</sup> Перлов Б. Амударьинский клад // Художник. 1980. № 6. С. 63—64.

<sup>100</sup> Bisi. Il grifone, P. 125—130. Fig. 11/90, 12/92—95, 13/103; Madhloom T.A. The Chronology of Neo-Assyria // *Art. L.*, 1970. Pl. LXXXIV.

<sup>101</sup> См., например, Barnett. Catalogue of the Nimrud Ivory... P. 229. Pl. CXXXI/W-13—15.

<sup>102</sup> Mallwitz A., Herrmann H.-V. Die Funde aus Olympia. Ergebnisse hundertjähriger Ausgrabungstätigkeit. Athen, 1980. S. 68—69. Taf. 36.

<sup>103</sup> Herrmann H.-V. Kesselprotomen und Stabdreifüsse (Die Kessel der orientalisierenden Zeit. Teil II) // *Olympische Forschungen*. 1979. Bd XI. S. 44—46. Taf. 54—60.

<sup>104</sup> Мы пропускаем последующие этапы эволюции. Но см. изображение крылатого орлиноголового грифона на этрусской вазе IV в. из Испании: Freijeiro A.B. Die klassischen Wurzeln der iberischen Kunst // *Madri der Mitteilungen* (DAI, Abteilung Madrid). T.I. Heidelberg, 1960. S. 212. Taf. 30/a; Deplace. Le grifon... P. 144. Fig. 164.

<sup>105</sup> Samadi H. Les découvertes fortuites et l'état de la civilisation. Téhéran, 1960. Fig. 27.

<sup>106</sup> Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С. Ювелирные изделия Востока. М., 1984. С. 20. № 16. Рис. 20.

половины клюва отмечено рядом «перлов» (от трех до семи)<sup>107</sup>. Перлы — другой специфический признак тахтисангинского изображения, они окружают основание рога.

Бугорки (перлы) встречаются на ряде изображений орла или орлиноголового грифона в греческом искусстве. Они есть между глазами упомянутых выше бронзовых голов грифонов из Олимпии<sup>108</sup>. На одной греческой печати первой половины VII в. до н.э. изображение орлиноголового грифона, вдоль нижней границы глаза — три рельефных бугорка<sup>109</sup>. У бронзовой фигурки орлиноголового грифона из коллекции Государственных музеев в Берлине (Урарту, возможно — из Топрак-кале) у задней оконечности глаза полусферический бугорок<sup>110</sup>.

На агатовой цилиндрической печати (Библиотека Пирпонта Моргана) изображение: стоящий на задних лапах крылатый лев. Вдоль выступа носа — две рельефные точки, на верхней губе еще две. Этот цилиндр Э. Порада относит к прото-ахеменидским<sup>111</sup>. Так же трактована морда крылатого льва и на одной ахеменидской агатовой цилиндрической печати<sup>112</sup>. На карнелиановом скарабеоиде изображение в греко-персидской манере: орлиноголовый грифон, у которого под глазом и, несколько отступя, у клюва — выпуклые круглые полушарики (всего три)<sup>113</sup>. На другой греко-персидской гемме конца VI — начала V в. до н.э. — идущее чудовище с телом льва, лапами орла, с открытой пастью, с рогом, линия носа показана в виде трех рельефных точек<sup>114</sup>. Укажем также на чрезвычайно важную аналогию — на два рельефа с грифонами из Персеполя (Гарем Ксеркса, восточный проход главного зала)<sup>115</sup>. У этих крылатых монстров с львиным корпусом и головой и скорпионьим хвостом выше внешнего уголка глаза бугорок в виде полушарика, под ними, на одной линии и практически смыкаясь, два таких же бугорка.

В этой связи также следует упомянуть золотую бляшку (3,3×3 см) из собрания Abegg-Stiftung (инв. № 8.19.63), изображающую голову крылатого орлиного грифона с закрытым клювом. У внешнего уголка глаза — три рельефных точки, под ними еще одна. Таким образом, этот прием украшения морды животного связан с модой, распространенной в VI—V вв. до н.э. Добавим, что в ахеменидской глиптике есть изображения орлиноголовых грифонов, у которых, как у тахтисангинского грифона, половинки клюва сомкнуты, конец верхней половины «заходит» за нижнюю, между половинками — широкая овальная щель<sup>116</sup>. В отношении такой щели можно указать и на некоторые урартские

<sup>107</sup> Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953. Рис. 74—75. Табл. XXXVIII/1—3. См. также: Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. М.—Л., 1952. Рис. 112/Б; Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. Табл. XX/1,4; Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960. Рис. 146/М.

<sup>108</sup> Herrmann. Kesselprotomen... S. 44—46. Taf. 54—60; Mallwitz, Herrmann. Op. cit. S. 68—69. Taf. 36. 109.

<sup>109</sup> Zwierlein-Diehl E. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd II. Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz, Antikenabteilung (Berlin). München, 1969. S. 57—58. Taf. 26/106.

<sup>110</sup> Van Loon M.N. Urartian Art. Its Distinctive Traits in the Light of New Excavations // Utgaren van het Nederlands Historisch-archaeologisch Instituut te Istanbul. V. XX. Istanbul, 1966. P. 91. Pl. XV.

<sup>111</sup> Porada. The Collection... P. 102. Pl. CXXII/815e.

<sup>112</sup> Bleitbreu. Op. cit. S. 92. Fig. 113.

<sup>113</sup> Boardman J. Greek Gems and Finger-Rings. Early Bronze Age to Late Classical. L., 1970. P. 319, 356. Pl. 958.

<sup>114</sup> Richter. Engraved Gems... P. 128—129. Fig. 492, 494.

<sup>115</sup> Schmidt. Persepolis. I. Pl. 196/B.

<sup>116</sup> Amiet. Glyptique... V. I. Texte. P. 286. Pl. 190/2222. Такой тип смыкания закрытого клюва встречается и на грифонах на вазописи VII—VI вв. до н.э. — Morin-Jean. Le dessin des animaux en Grèce d'après les vases peints. P., 1911. P. 68. Fig. 67, 113.

аналогии<sup>117</sup>. С учетом всего этого материала мы склоняемся к датировке V—IV вв. до н.э. тахтисангинской рукояти махайры в виде грифона из слоновой кости, причем большинство аналогий указывает на VI—V вв.

Естественно, возникает еще один очень сложный вопрос: были ли махайры распространены в Бактрии уже в ахеменидское время или же они появились вместе с приходом войск Александра Македонского. Согласно Ктесию, Семирамида, собирая огромное войско в Бактрах, включила в его состав сто тысяч «людей верхом на верблюдах, вооруженных махайрами длиной в четыре локтя»<sup>118</sup>. Легендарный характер всего рассказа о Семирамиде заставляет относиться к этому сообщению с предельной осторожностью, учитывая его лишь как возможный намек на то, что во времена Ктесия, т.е. в начале IV в. до н.э., его информаторы считали, что в Бактрии были распространены махайры. Однако во время похода Александра Македонского здесь упоминается акинак (Curt. VII. 4.19), хотя при этом остается неясным, идет ли речь действительно о среднеазиатском оружии или персидском<sup>119</sup>. Впрочем, оружием другого среднеазиатского народа, массагетов, называется махайра (Strabo. XI. 8.6). Вообще, еще Эсхил (Pers. 55—56) назвал все народы Азии «носящими махайры» — τὸ μαχαίροφόρον<sup>120</sup>. Для решения вопроса о распространении махайры в ахеменидском войске наука располагает немногочисленными и не вполне достоверными свидетельствами. Как выше указывалось, на греческой вазописи в сценах борьбы греков и персов противники часто имеют один и тот же меч с выпуклым лезвием — махайру<sup>121</sup>, но приходится иметь в виду (об этом также говорилось на предыдущих страницах), что греческие вазописцы нередко одевали «персов» в греческую одежду и греческий доспех, снабжали греческим оружием.

Перейдем к письменным свидетельствам. В самом конце V в., если верить Ксенофону, в амехенидском войске у Кира Младшего воины упражнялись в панцире, со щитом, с махайрой в руках (Xen. Cyr. II. 1.21). С. Биттнер задается вопросом, означает ли это, что в ахеменидском войске были группы «махайроносцев», или же термин применен Ксенофонтом в данном случае без конкретной определенности. Сопоставив имеющиеся упоминания, он приходит к заключению, что термин использовался греческими авторами как родовое название, обозначение «рубящего меча», в противоположность колющему оружию<sup>122</sup>. Добавим еще одно сообщение того же источника. Когда ахеменидский царь выезжает на охоту, он берет с собой половину стражи, причем охрана должна иметь, помимо прочего оружия, махайру в ножнах (Xen. Cyr. I. 2.9; II. 3. 10; IV. 5. 58; VI. 1. 2; VII. 1. 34).

В этой связи очень важно следующее сообщение Квинта Курция: Дарий III (336—331) «в начале царствования приказал изменить форму персидских ножен для акинака по образцу греческой» (Dareum in principio imperii vaginam acinacis

<sup>117</sup> Barnett R.D. The Excavations of the British Museum at Toprak Kale near Van // Iraq. 1950. V. XII. P. 17. Pl. XV/1—2.

<sup>118</sup> Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (Текст, перевод, примечания). Душанбе, 1975. С. 64, 65.

<sup>119</sup> Литвинский Б.А., Пьянков И.В. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н.э. // ВДИ. 1966. № 3. С. 37—38, 48 (Квинт Курций сообщает об акинаке Бесса).

<sup>120</sup> Boodhead H.D. The Persae of Aeschylus. Cambr., 1960. P. 4, 47. См. об этом также: Calmeyer P. Zur Genese altiranischer Motive. VIII. Die «statische Landschaft des Perserreiches», I // AMI. NF. 15.B., 1982. S. 174—175.

<sup>121</sup> Часть литературы приведена выше. См. также: Schoppa H. Die Darstellung der Perser in der griechischen Kunst bis zum Beginn des Hellenismus. Inaugural-Dissertation. Heidelberg, 1933. S. 28, № 2, 3, 4; S. 30, № 2, 3; S. 54, 82.

<sup>122</sup> Bittner S. Tracht und Bewaffung des persischen Heeres zur Zeit der Achaemeniden. II. Aufl. München, 1985. S. 171.

Persicam iussisse mutari in eam formam, qua Graeci uterentur) (Curt. III. 3. 6; ср. Diod. 15. 55. 1)<sup>123</sup>.

Что касается изменений в акинаке, можно согласиться с С. Биттнером, что смысл этих слов Квинта Курция «истолковать трудно». Исследователь утверждает, что выражения древнего автора надо понимать буквально и что речь шла не об изменении самого акинака (например, об его удлинении), а именно о каких-то изменениях в ножнах, скорее всего, связанных с модификацией способа ношения (и прикрепления) оружия. Впрочем, он допускает и другое, а именно, что Дарий III приказал снять с ножен золотые украшения, используя их для финансирования военных нужд<sup>124</sup>. Исходная посылка и оба предположения не кажутся бесспорными, тем более, что в ходе последующей военной реформы Дария III, в 332 г., изменены были именно клинки: согласно Диодору (17.53.1) было решено изменить длину мечей и копий, увеличив ее по сравнению с ранее применявшимися образцами. Однако о каких именно мечах (копис, махайра, акинак) шла речь, остается неясным.

Самой близкой аналогией нашей рукояти парадной махайры — кавалерийского «палаша» — могут служить более поздние, но тоже вотивные рукояти, отлитые вместе с эфесом из бронзы и имитирующие подлинные греческие мечи, которые были найдены среди приношений общегреческого святилища — храма Зевса Додонского<sup>125</sup>. Однако наша костяная рукоять, хотя в восточном ареале и уникальна, по стилю исполнения имеет совершенно другой — ахеменидский облик. Поэтому и идентификация места ее изготовления и точная датировка представляют определенные трудности.

Стилистические особенности изображения грифона на рукояти вполне корреспондируют с сообщением Курция Руфа (III. 3. 6) об изменении Дарием III в начале своего правления (осень 336 г. до н.э.) формы персидских мечей по образцу греческих. Действительно, если сравнивать эту рукоять с ахеменидскими или мидийскими рукоятями на рельефах Персеполя, а также с аналогичными ахеменидскими, найденными в храме Окса, то становится очевидным, что эта рукоять новой для Ахеменидов формы, заимствованной у эллинов. В пользу этого говорят сравнения с эллинскими рукоятями махайр, увенчанными головами львов, орлов, грифонов, хорошо известных как по краснофигурной аттической вазописи, так и по приведенным вотивным отливкам храма Зевса Додонского. Если это и не верно, то дата может быть изменена только в пользу более раннего времени, поскольку после победы Александра Македонского и падения Ахеменидской державы войско покоренной империи приняло на вооружение македонское оружие. Об этом неоднократно свидетельствуют античные авторы, говоря о реорганизации войск и принятии 30 тысяч персов и бактрийцев в состав греко-македонского войска перед походом на Индию. Время изготовления рукояти следует отнести к 450—331 гг. до н.э. Если же учитывать сообщение Курция Руфа, то вероятна и более точная дата — 336—331 гг. до н.э., хотя столь большая точность в датировке скульптуры и малой пластики и не требуется, столь точно для этого времени невозможно датировать даже вазы краснофигурного стиля IV столетия. Суммируя все эти свидетельства с учетом находок из храма Окса и других комплексов, можно предположить, что махайра как тип меча входила в состав оружия ахеменидского войска, встречалась она и в Бактрии, и в Индии. Но это не дает возможности конкретно и точно определить, до или после Александра Македонского данная конкретная махайра

<sup>123</sup> Сердечно благодарим М.В. Горелика, обратившего наше внимание на это ценное упоминание Курция Руфа.

<sup>124</sup> Bittner. Op. cit. S. 205—296, 293—294.

<sup>125</sup> Daux G. Chronique des fouilles et découverts archéologiques en Grèce en 1965 // BCH. 1966. V. XV, № 2. P. 847. Fig. 5.

оказалась на земле Бактрии. Вероятны оба решения, если рассматривать нашу рукоять махайры отдельно от предметов ахеменидского времени, посвященных в храм Окса, и от аналогичных шедевров Клада Окса, открытых на правом берегу Амударьи у слияния Вахша с Пянджем, то есть непосредственно вблизи храма.

Следует обратить внимание, что в храме оставлены предметы ахеменидского времени, почти исключительно изготовленные из слоновой кости, храмовые приношения из золота были вынесены из храма, случайно оставлены лишь мелкие предметы: обрывки пластин с орнаментом, листики и мелкие прямоугольные пластины из золота, тогда как Клад Окса составляют крупные сосуды, украшения и большие пластины исключительно из драгоценных металлов — в основном из золота. Многие предметы из Клада Окса украшены царским фарном, но и без фарна ясно, что все предметы из золота царского или близкого к царскому достоинства, так как драгоценные металлы и художественные изделия в Ахеменидском государстве строго контролировались. Предметы ахеменидского времени могли попасть в бактрийский храм в качестве прямых или опосредованных даров от царя или принесены в храм посланцами царя — столичными жрецами — учредителями храма Окса. Таким был бы единственный вариант попадания культовых и драгоценных предметов в далекий от столичных центров храм Окса, если не было бы македонской экспансии и многочисленных свидетельств не только о награбленном добре, попавшем вместе с захватчиками в Центральную Азию, но и о его прямом уничтожении, вызванном необходимостью похода. Переис посвящение культовых предметов или даже простое копирование — акты, известные археологам. Но это в период небольших войн, в то время как в период македонской экспансии драгоценности древнего Востока, сосредоточенные в ахеменидских сокровищницах, перемещались на гигантские расстояния. Все это усложняет, казалось бы, идентификацию места производства золотых изделий — подлинных шедевров ахеменидского искусства. Однако углубленный анализ показывает, что не было правил без исключений. Некоторые из золотых пластин из храма и Клада Окса были или полу-фабрикатами, т.е. еще не получившими рисунок — послание божеству, или были с рисунками — гравировками, изготовленными на месте непрофессионально и наспех. «Пустые» пластины были готовы к использованию их донаторами, а «примитивные» как раз подтверждают эту версию. Теперь многие считают их свидетельством в пользу местного происхождения части пластин. В Клад Окса есть и изображения обнаженных юношей (№№ 4 и 86) явно греческой работы. Есть и более поздние золотые изделия — посвящения, сделанные в эллинистическое время уже после падения ахеменидской державы, несомненно, на месте, некоторые из которых близки по стилю скифо-сибирскому златоделию. Все эти предметы местной работы и не могли быть привезены.

Слоновая кость в изделиях первоклассных мастеров различных столетий и разных школ открыта в храме Окса в большом числе. По существу она количественно не уступает изделиям из местной глины: разнообразным скульптурам и терракотам, сделанным очень художественно, но безусловно на месте. Такая массовость изделий из слоновой кости заставляет вспомнить о близком соседстве с Бактрией богатой слонами Индии. О контактах Бактрии с близким соседом — Индией прямо говорят и изделия из слоновой кости, и серебряные монеты времени индийской династии Маурья, открытые в храме Окса. Массовость материала из слоновой кости, высококачественность изделий, изготовленных в разные столетия, в целом свидетельствуют в пользу существования устойчивой традиции костерезного мастерства. К сожалению, трудно восстанавливается время, с которого можно надежно засвидетельствовать начало местного производства.

Однако достаточно уверенно можно утверждать, что уже во время Селевкидского и Греко-Бактрийского царств было налажено массовое производство

деталей вооружений и из слоновой кости, и из металлов. В пользу местного производства в Селевкидском и Греко-Бактрийском царствах изделий из бронзы и железа свидетельствуют химические анализы изделий. О несомненности местного производства высококачественных скульптур из необожженной глины, полихромных и золоченых, говорилось неоднократно.

Изучение отдельных шедевров ахеменидского круга, таких, как ножны акинака и рукоять со скульптурным завершением головы грифона, также показывает, что уже в ахеменидский период в Бактрии существовало местное производство изделий из слоновой кости. Однако совершенно уверенно утверждать это в настоящее время мы не решаемся.

## ACHAEMENID HILT DECORATED WITH THE HEAD OF A GRIFFIN

*B.A. Litvinsky, I.R. Pichikyan*

The pommel of the hilt described in the article was that of an Achaemenid *machaira*, a cavalry slashing weapon, borrowed by the Persians from the Greeks. According to Curtius Rufus (III. 3.6), Darius III at the beginning of his rule changed the shape of daggers after the Greek pattern (see also Diod. XV. 55.1). The *machaira* hilt is made in the Achaemenid style, but is quite unique in the Eastern area.

Since the hilt under discussion bears no resemblance to the Achaemenid hilts represented of Persepolis reliefs or to other hilts found in the Oxus Temple, it is clear that the shape of the hilt is new to the Achaemenids and was adopted from the Greeks. Judging by paintings of the red-figures vases of the period of the Graeco-Persian wars, the Greeks believed that the Persians had used *machairas* long before Darius III. Written sources (Her. IV. 70; Xen. Cyr. I. 2.9; II. 1. 21; II. 3. 10; IV. 5. 58; VI. 1. 2; VII. 1. 34) also testify to an earlier use of *machairas* by the Persians as and ritual weapons.

Griffins were widely represented in Achaemenid monumental art and in jewelry, including masterpieces from the Oxus Treasure (№ 14, 17, 23, 110, 116a).

In the Achaemenid world the image of a griffin had a broad semantic range discussed by the authors. The Greeks believed in the existence of griffins in India. In India itself griffins were regarded as gods' neighbours and keepers of common sacred nature.

The exact date given by Curtius Rufus cannot be decisive for dating the Takht-i-Sangin hilt. Proceeding from the style of representation it would be more correct to place the date of the manufacture of the hilt with a griffin within a broader chronological time frame: 450—331 B.C.